



Андрей Чернышев

г. Тула

Мне иногда снится

Мне иногда снится... Казалось, не должно так быть, но... снится.

Снится вечно ржавый пирс. Кабели разной толщины, запутавшиеся на нём, как кудри африканской богини, и валяющиеся между ними крышки кожухов кабельных трасс, как следы военных действий.

У этого пирса, как и положено, помимо сонно колышущихся льдин и барашков, пробегающих изредка между ними волн и пытающихся «приводниться» чаек, стоит как монолит из гранита, как скала посреди прерий, как Колосс Родосский – субмарина, хотя все мы её называем прозаично и просто – КОРАБЛЬ.

Нет, вы не поняли. Это не просто корабль, а именно КОРАБЛЬ – большими буквами! Потому что он не только «дом родной» для полутора сотен «организмов» в тельняшках, не потому, что несёт в себе угрозу любому уголку мира, независимо от размеров его границ, не потому, что он сложен и практически неизучим «средним образованием» и упорством мысли. Не поэтому.

Он – КОРАБЛЬ, потому что он точно такая же часть организма любого подводника, как нога, рука и голова. Да ещё и потому,

что ЕМУ – больше, чем дому, семье, друзьям – достаётся отмерянного Богом каждому из нас, «военмором», времени.

Он – важен, молчалив и угрюм. Он – велик и незаметен одновременно. Но только до поры, когда зазвучат «Тифоны» и «Сирены» колоколо-ревунной сигнализации, застучат по трапам каблуки, отзовутся лязгом переборочные двери и сначала медленно, тихо и неуверенно, а потом всё надоедливей и громче до угрожающей степени закрутятся неведомые остальному миру механизмы. Сперва только затеплится, а потом всё сильнее и сильнее «раскочегарится» и выйдет на мощность его сердце – ядерный реактор. И победит по всем отсекам и выгородкам собственная, ни от кого не зависящая электроэнергия. И в какой-то момент КОРАБЛЬ уверенно вздохнёт всем своим громадным мокрым телом, встряхнёт переборками, качнётся, натянув на мгновение швартовы, и всё... Станет абсолютно независимым ни от кого: ни от земли-матушки, с её электростанциями и водопроводами, ни от атмосферы, без которой кроме него может самостоятельно жить только, пожалуй, космический корабль, ни от тех, кто останется на берегу – ждать, жить, служить, рожать будущих «военмором», отдавать приказы и исполнять их... от всего, что останется за тоненькой ленточкой голубой воды, вперемешку со льдом, которая отделяет КОРАБЛЬ от пирса. И жалкие нитки швартовых – это только условность.

Но снится не он. Снится, что ты, как и раньше, слегка осторожно, но уверенно и даже самоуверенно, сбегáешь по аппарели на причал. Не особенно озираясь по сторонам, хотя знаешь, что за тобой внимательно и пристально следит как минимум пара глаз в наворачнувшихся на них слезах, впрыгиваешь на трап. И только позволяешь себе несколько небрежно, но до ломоты в зубах тоскливо бросить взгляд на причальную стенку, на плешивую полоску земли между колючей проволокой и дорогой в посёлок. Там, на этом клочке суши (землёй её назвать невозможно) виднеется такая родная для тебя фигурка. Или две. Одна – побольше, а вторая – совсем маленькая. Нет, фигурок там много, но ты видишь только их. А



они, также как и ты, видят только смутные очертания людей в чёрной одежде, ныряющих в чрево КОРАБЛЯ. Но машут ручками, самозабвенно и как-то тоскливо, хотя и пытаются всем своим видом хранить бодрость и уверенность в скорой встрече.

Взгляд возвращается к глыбе КОРАБЛЯ. Шаг на трап – привычно-чёткий бросок руки к виску – честь флагу – и быстрая трусца на корпус субмарины. Рубка. Последний взгляд на берег. Там уже почти ничего не различить. Взмах рукой – на всякий случай, а вдруг увидят. Автоматическое движение головы вниз, и ты уже в корпусе КОРАБЛЯ. Теперь ещё десяток шагов, люк, открывающий (а может, закрывающий) внутренности субмарины, вертикальный трап, по которому скользишь с уверенностью бывалого скалолаза, поворот на 180 градусов вокруг собственной оси, и всё...

Перед тобой то самое чрево, которое мало кто видел из живущих на земле. Но для тебя это только дом. Бог его знает – первый это дом или второй. В бешеном ритме жизни, начавшейся в 22 года и приведшей к этим железным «динозаврам», грань между ними стёрлась почти без следа.

Остаётся за толстенным корпусом КОРАБЛЯ всё. И проблемы «сухопутной» жизни (уже не решишь!), и жена с сыном (уже не поможешь, хотя душа боли-и-ит), и, что немаловажно, береговое начальство, которое так мешало провести в удовольствии те немногие дни и часы, которые были отмерены тебе перед погружением в КОРАБЛЬ.

Не знаю, дома ты или нет, но уверенность сквозит уже в каждом твоём движении, поступке, жесте и слове. Ты – «у себя»!

Здесь ты один из многих, но в то же время один-единственный.

Ты умеешь и делаешь то, что должен уметь и делать только ты. И все знают это, и верят в тебя и доверяют тебе. И ты это знаешь. И это придаёт тебе уверенности и силы.

Но ты и винтик большого подводного механизма, без гармонии в котором не работает никакой его орган. От твоего «шевеления», равно как и от «шевеления» любого другого, зависит успех дела и его крах. Победа и смерть. Солнце в конце похода и мрак вечной глубины...

Вот и снится.

Ты, ещё совсем молоденький, с ещё кое-как пробивающейся щетиной на скулах, но такой уверенный в себе, с постоянно нахмуренными бровями от постоянного стремления освоить чрево субмарины и ещё совсем чёрными усиками, которые станут твоей отличительной чертой до конца жизни. Молоденький, но уже значащий что-то в этом мире. Сознательный, что тебе доверено многое. Справляющийся с этим нелёгким грузом и оттого счастливый!

Как же было трудно в ТО время, которое снится иногда! Как же было здорово в ТО время! Когда снится оно, понимаешь, что это ТАК ВАЖНО – быть уверенным в себе, чувствовать свою нужность, плечо собрата, который не предаст, хоть тресни корпус на большой глубине!

Это так нужно – быть НУЖНЫМ!

Только верь...

В небе играли звёзды...

Они всегда были там – в вышине. Сколько он себя помнил. Вечерами, упав в овраге на спину в высоченную траву, он любил смотреть на небо. Сначала по нему величаво плыли лохматые «белые кошки», меняясь в фигурки других пушистых тварей, или в физиономии людей, задумчиво смотрящих на землю из поднебесья.

Потом начинало смеркаться, а он всё смотрел из высоченной травы прямо перед собой в бездну открывающегося перед ним пространства. Облака тускнели, синь превращалась в серость, а потом лучиками игриво начинали подмигивать звёздочки. Их становилось всё больше и больше. Иногда казалось, что мир – это и есть звёздное небо, а не то, что окружает его каждый день. Дома. На работе. По дороге на работу или домой. На отдыхе. В поле, лесу, в море...

Он любил с детства убежать в этот овраг, забраться в самую гущу диких зарослей лопухов, щавеля и всякой всячины, плюхнуться на спину и глядеть в эту бездну. Сначала ни о чём не думалось. Потом к пустому созерцанию прибавились мысли и рассуждения. Затем они стали обращаться в рифмы и строки...





Так появились стихи. За стихами стала просыпаться в его душе музыка...

Нет. Он не стал ни поэтом, ни музыкантом. Хотя и писал стихи, и сочинял песни. И даже играл на нескольких инструментах. Но всё это для души, и только для своей.

Потом судьба закружила его в своём бешеном ритме. Унесла от того любимого с детства оврага. Забросила на другую половину земного шара, в снежные пустыни и холодные моря...

Он, как и прежде, любил смотреть на звёзды, ощущая себя песчинкой в бесконечности. Ему всегда казалось, что среди этой безграничности ощущаешь себя таким же вечным, как свет звёзд, который долетает до Земли тогда, когда уже миллионы лет нет той, что его родила. И это наводило его на мысли о бесконечном будущем, потому что свет был прошлым, а ведь он должен быть сегодняшним, настоящим... Как и он сам.

А значит, этого нужно дожидаться. Дожить. Налюбоваться светом сегодняшней бесконечности...

Почти тридцать лет ему снился тот самый, любимый с детства овраг. Неумолимо тянуло в его глубину, в высокие травы...

И вот случилось. Судьба затащила-таки его в тот самый городок, к тому самому оврагу. Были радостные встречи и воспоминания, целования со всеми встречными и рюмки с каждым знакомым. Но его тянуло ТУДА.

И под вечер он вырвался из объятий и устремился по еле заметной от времени тропинке к заветному месту.

...Овраг встретил его тоской... старостью и сединой...

Он стал будто бы мельче и уже. Края его обрушились и пожухли. Ручеёк, который ТОГДА разбавлял тишину и вносил музыку в его детство, высох совсем.

Тоска охватила всё его существо. Слезы откуда-то подкрались к глазам седого уже человека. Осторожно, боясь испугнуть воспоминания, он побрёл вниз в заветный уголок, в ту траву, которая жила в его мечтах всю жизнь...

Вот оно – логово мальчишки.

Он, почти не раздумывая, в белой рубашке и в лучших брюках плюхнулся в по-

старевшую от срока траву, нырнул в воспоминания и тоску...

По небу медленно, величаво и солидно тянулись облака. Они поворачивали свои седые головы в его сторону, будто спрашивая: «Ну, узнал?»

«Узнал!» – про себя отвечал он.

Облака потемнели, сменились сумраком. И в небе, всё на тех же местах, как и раньше, заискрились звёздочки. Тем светом, который всё ещё был далёким прошлым... Потом небесный ковёр сплошь покрылся искорками, мечты унесли его далеко-далеко...

Его, очевидно, искали истосковавшиеся за тридцать лет родственники. Но он ничего этого не слышал и не видел. Перед ним светились огоньки детства, искрясь в слезящихся глазах.

Вдруг ему показалось, что на дне оврага зазвенел ручей, в голове появились рифмы, запела мелодия... Трава почему-то в мгновение вытянулась вверх, к звёздному небу, и он утонул в ней, как в детстве.

И ощутил себя маленьким мальчиком, удравшим от ребятишек и родителей в этот любимый овраг и затаившимся в вёдомом только ему месте. Стало как-то особенно тепло и радостно. И появилось ощущение великого счастья, такого же, как много лет назад. Где-то далеко вдруг послышался голос давно покинувшей этот мир матери, который звал его домой...

И он понял, что свет звёзд стал не прошлым, а настоящим. Что именно сегодня всё только начинается. Что не было многих лет, а всё только логично шло к этому дню.

Дню, когда он стал человеком.

...Трава колыхнулась, сопротивляясь его взрослым и сильным рукам. Он поднялся, огляделся по сторонам...

Нет, чудес не бывает. Годы ушли, захватив с собой всё, что им положено, состарив и его, и город, и лес, и ручеёк, и даже овраг... Годы прошли. Стало прошлым уже многое. И значительно меньше оставалось того, что могло ещё быть будущим...

И только звёздное небо глядело сверху на него всё теми же искрящимися глазами и говорило: «Ещё всё впереди! Ещё всё будет! Ты только верь!...»

